

У Яньцю

Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю, КНР
ORCID ID: 0000-0001-7457-1867

Н. А. Абуева

Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю, КНР
ORCID ID: 0000-0002-7550-9261

 E-mail: 254319172@qq.com; abu2007@bk.ru.

Проблемы сохранения и развития национальной культуры российской диаспоры в КНР

АННОТАЦИЯ. В предложенной статье доказываемся, что национальный вопрос, национальные идеи и национальная политика в общественно-политической жизни многоликой российской эмиграции Китая занимали особое место. Рассматриваемые авторами национальные процессы, проходившие в СССР в 1920—1940-е гг., будоражили эмигрантское общественное мнение. Различные эмигрантские издания время от времени давали собственную оценку национальному строительству в Советском Союзе, принятых в 1924 и 1936 гг. конституций СССР. Так, умеренная демократическая эмиграция считала необходимым и впредь, т. е. после освобождения от большевизма, сохранить зафиксированные в советском основном законе положения о правовом равноправии наций. В то же время она не скрывала опасений, связанных с украинскими, польскими и другими сепаратистскими проявлениями, чреватými при определенном стечении обстоятельств развалом России. Представители той части российской диаспоры, которая обладала русским самосознанием, выступили против сепаратизма, разлагавшего общность трех ветвей единого, по их мнению, восточнославянского народа, они резко критиковали политику сибирского областничества, пытавшегося отторгнуть Сибирь от России. На страницах демократических эмигрантских изданий они критиковали украинских, польских, грузинских и других националистов, пытавшихся расколоть Россию, растащить ее по национальным квартирам.

Новизна научной статьи очевидна, поскольку авторы четко определяют, что формирование советской культуры понималось некоторыми эмигрантами-учеными как процесс размывания ее русского национального компонента. Наблюдавшееся параллельно с развитием национальных культур нерусских народов, оно не могло, по их мнению, не подогревать в России — СССР сепаратистских тенденций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальная культура; российская диаспора; русская эмиграция; лингвокультурология; национальные традиции; иммиграция; сохранение национальной культуры.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: У Яньцю, кандидат исторических наук, доцент, заместитель Директора Института европейских языков, Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю; 312000, No.428 Kuaiji Road, Yue Cheng District, Shaoxing, Zhejiang.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Абуева Нурбану Адильбековна, доктор политических наук, визит-профессор Института европейских языков, Чжэцзянский институт иностранных языков Юэсю, КНР; 312000, No.428 Kuaiji Road, Yue Cheng District, Shaoxing, Zhejiang; e-mail: abu2007@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: У Яньцю. Проблемы сохранения и развития национальной культуры российской диаспоры в КНР / У Яньцю, Н. А. Абуева // Политическая лингвистика. — 2021. — № 3 (87). — С. 209-216. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_21.

Формирование советской культуры понималось некоторыми эмигрантами-учеными как процесс размывания ее русского национального компонента. Наблюдавшееся параллельно с развитием национальных культур нерусских народов, оно не могло, по их мнению, не подогревать в России — СССР сепаратистских тенденций. Появлявшиеся время от времени в прессе материалы о националистических проявлениях в большевистской партии и о прямых актах борьбы с Советской властью (вооруженные антисоветские выступления в 1920-е гг. в Карелии, Чечне и Грузии, массовое разоружение чеченских формирований, «Тунгусское восстание» на северо-востоке России, антиколхоз-

ные восстания в центре России, басмачество в республиках Средней Азии) давали основание говорить о наличии на родине центральных движений и не могли не тревожить сторонников унитаризма [Дороченков 2001: 73].

«Никто не станет отрицать угрожающего значения сепаратизмов, раздирающих тело России, — писал по этому поводу в статье «Будет ли существовать Россия?» Г. П. Федотов. — За одиннадцать лет революции зародились, окрепли десятки национальных сознаний в её расслабевшем теле. Иные из них приобрели уже грозную силу. Каждый маленький народец, вчера полудиккий, выделяет кадры полунинтеллигенции, которая уже

гонит от себя своих русских учителей. Под кровом интернационального коммунизма в рядах самой КП складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России» [Федотов 1999: 174—175]. То есть сепаратизм рассматривался как прямой результат национальной политики большевиков.

Евразийцы стремились обосновать свои концепции, политические выводы широкими историко-философскими, нравственно-религиозными, государственно-правовыми теориями. Это касалось в том числе и острого, актуального для российской общественной жизни национального вопроса.

Общим настроением и мироощущением, объединяющим всех евразийцев, рассеянных в эмиграции от Парижа до Шанхая, было антизападничество. Убежденным антизападником был князь Н. С. Трубецкой. Он одним из первых показал хищническую природу европейской цивилизации в трилогии «Обоснование национализма». Главным содержанием первого тома его трилогии стала критика культурного европейского эгоцентризма. Второй и третий тома назывались «Об истинном и ложном национализме» и «Русская стихия» [Кочубей, Печерица 1998: 129].

Первая мировая война, затем революция и Гражданская война несколько помешали осуществлению этих творческих планов Н. С. Трубецкого, но основные идеи трилогии легли в основу первого «евразийского» сборника.

Евразийцы, выдвигая в качестве абсолютной ценности независимость и самостоятельность России в условиях угрозы превращения ее в колонию Запада, ясно понимали роль и значение самобытной национальной культуры в деле возрождения России. Отстаивая необходимость сохранения и развития национальной культуры, евразийцы утверждали, что русская национальная культура немыслима без православия [Трубецкой 1993: 80].

Благодаря Русской православной церкви произошло обрусение и оправославление татарщины. Н. С. Трубецкой писал, что «чудо превращения татарской государственности в русскую осуществилось благодаря напряженному горению религиозного чувства, благодаря православно-религиозному подъему, охватившему Россию в эпоху татарского ига» [Трубецкой 1993: 73].

В книге «Европа и человечество» Н. С. Трубецкой обосновал концепцию многолинейности всемирно-исторического процесса, вмещающегося в отрицание всего многообразия и самобытности национальных культур. Положительное значение его работы состояло

в отрицании европоцентризма как ложного взгляда на процесс развития мировой истории. Тема культурно-исторических типов и многолинейности исторического процесса явилась исходной идеей, содержащей в себе ядро общеисторической концепции евразийцев. В дальнейшем Н. С. Трубецкой на основе сравнительного изучения языков и культур сформулировал закон многообразия национальных культур, выражающий самую сущность социального организма. Он считал, что «попытка уничтожить национальное многообразие привела бы к культурному оскуднению и гибели», что задача интеллигенции романо-германских народов состоит в том, чтобы, освободившись от болезни обезьянничания, предрассудков европоцентризма, бороться всеми силами за сохранение и развитие своей самобытной национальной культуры. Отметив начавшийся процесс европеизации в Японии, Трубецкой заметил, что в ней заимствования у романо-германцев умерялись «здоровым инстинктом национальной гордости и приверженностью к историческим традициям» [Трубецкой 1993: 73].

Играя заметную роль в развитии общественного сознания русской эмиграции, евразийцы проповедовали мысль о том, что русский народ и народы России не являются ни евразийцами, ни азиатами, они — конгломерат, детище разных цивилизаций.

Евразийство призывает все народы мира освободиться от влияния романо-германской культуры и вновь вступить на путь выработки своих национальных культур. Большевики, утверждает Н. С. Трубецкой, в этом вопросе преследуют прямо противоположные цели. Они только играют на националистических настроениях и самолюбии азиатских народов и рассматривают эти чувства лишь как средство для поднятия в Азии социальной революции, которая должна не столько упразднить экономическое засилье «цивилизованных» держав, сколько способствовать водворению коммунистического строя, с той особой «пролетарской культурой», которая, по существу, «антинациональна и построена на самых отрицательных элементах той же европейской цивилизации, доведенных до карикатурной крайности. Под личиной поощрения азиатского национализма в большевизме скрыто то же нивелирующее, „цивилизаторское“ культуртрегерство, и причём в гораздо более радикальной форме, чем у романо-германских колониальных империалистов» [Трубецкой 1993: 73].

«Не к созиданию подлинно национальных культур, преемственно связанных с ис-

торическим прошлым, а к национальному обезличению и разрушению всяких национальных основ, к интернационализации жизни хотят большевики привести свой народ и все народы мира. Как интернационалисты они вынуждены искать органичные формы общественной жизни и оживлять старые традиции русских... — пишет Л. П. Карсавин. — Но будучи оживленными, они преобладали в СССР интернациональными и потому <...> нерусский характер» [Карсавин 1992: 153].

Антибольшевистскую позицию евразийцев в национальном вопросе поддерживает и великий русский философ Н. А. Бердяев, который считал, что большевики, способные признать национальные права евреев и поляков, чехов и ирландцев, не были готовы признать права русских. Поэтому они «утопили русский национальный вопрос в вопросе армянском, грузинском, польском, финляндском и многих других» [Бердяев 1923: 23].

Идеи евразийцев о национальной культуре, национальном строительстве вызвали критику как консервативного, так и демократического крыла российской эмиграции: русские националисты считали их идеи вредными и противостоящими идее русского национального православного государства. С подозрением относилась к евразийским идеям татаро-мусульманская диаспора, боясь преобладающей роли православия в будущей православной евразийской державе. Антисемиты также были настроены против высказываний евразийцев, считая их чрезмерно космополитическими. Сионисты же, напротив, видели в идеях евразийства опасность русско-мусульманского альянса и возможность создания единого фронта против евреев.

В дальневосточной эмиграции в 1920—1930-е гг. активизировались разного толка монархические группы, объединения, имеющие откровенно националистический характер. Так, в Шанхае, Харбине, Тяньцзине действовали «Кружки белой идеи», филиалы «Патриотической ассоциации русской молодежи» и другие. На страницах своих газет и журналов («Возрождение», «Искра» и т. д.) они печатали статьи, воспевавшие русский национализм. Главной идеей этих публикаций было объединение праворадикальных этнических групп под эгидой русского освободительного национального движения. В Харбине и Шанхае работал «Союз младороссов», главный центр которого находился в Париже.

Курировал дальневосточных младороссов А. А. Вонсяцкей, который во время поездки в Европу был принят А. Гитлером и Розенбергом. Он также имел встречи с руко-

водителями русского освободительного национального движения в Париже.

Крайне правые националисты группировались вокруг газеты «Возрождение», тираж которой в 1925 г. достиг 20 тысяч экземпляров. Хотя и с опозданием, эта газета доходила и до Китая. Программа этого издания определялась как поддержка националистической политики русской эмиграции, стремление установления в России диктатуры фашистского типа. Видных эмигрантских деятелей националистической направленности объединял и журнал «Santinell», в выпуске и распространении которого в Китае активное участие принимал Б. Суворин. Путешествуя по Востоку, Суворин внимательно изучал опыт авторитарных режимов Азии. В качестве журналиста он выступал сотрудником «Нового времени», а также собственником двух эмигрантских журналов — «Время» и «Шанхайская заря». Будучи убежденным националистом-монархистом, он пытается осуществить эту идею на Дальнем Востоке с помощью японцев.

В 1920—1930-е гг. в печати, на собраниях, в клубах, студенческих аудиториях Харбина и других городов Маньчжурии шли горячие споры и дискуссии о перспективах национальной революции в России с участием представителей русских фашистов. По вопросу о нации русские фашисты занимали особую позицию. Их идеологи Г. В. Тараданов и В. В. Кибордин в изданной в Харбине в 1934 г. «Азбуке фашизма» рассматривали нацию как политэтническое содружество. В России, считали авторы «Азбуки», существует не русская, а российская нация, «как духовное единение русских людей на основе сознания исторической судьбы, общей национальной культуры, традиций и т. д. <...> Все народы России представляют из себя единый национальный организм» [Тараданов, Кабардин 1994: 229—230].

«Зажигая» эмигрантскую молодежь фашистскими идеями, ссылаясь на «политический пример» нацистов Италии, Германии, руководители Русской фашистской партии в Маньчжурии К. В. Родзаевский, А. П. Покровский и другие праворадикальные эмигранты, сотрудничавшие с японцами (генерал В. Д. Косьмин), призывали к идейной и вооруженной борьбе против «иудомасонов» Коммунистического Интернационала и установления фашистской диктатуры в России.

Интерес значительного числа эмигрантской молодежи Маньчжурии к идеологии фашизма был неслучаен. Как отмечают О. И. Кочубей и В. Ф. Печерица [Кочубей, Печерица 1998: 168], это было связано со следующими факторами.

Во-первых, в 1920-е гг. появилась «мода» на фашизм, возник интерес к нему во всем мире, особенно среди молодежи. Тогда понятие «фашизм» еще не было скомпрометировано последующими военными событиями и фашистским режимом Гитлера.

Во-вторых, на идеологию, структуру и политику Русской фашистской партии сильнейшее влияние оказали итальянские, германские фашисты, а после оккупации Маньчжурии японцами — и японские фашисты. Так, по мнению лидера Русской фашистской партии в Маньчжурии К. В. Родзаевского, универсальность итальянского фашизма российские фашисты видели в том, что «фашизм даёт общие начала для коренной перестройки государства на новых основах и что его доктрина, создавая национальное мировоззрение, отвечает факту зарождения нового национализма во всем мире».

В-третьих, среди русских эмигрантов, особенно враждебно настроенных против советской власти, на рубеже 1920—1930-х гг. идут лихорадочные поиски новых социальных концепций, новых организационных и идейных форм борьбы с советским режимом [Ершов 1995: 56—70].

Эмигрантская молодежь считала монархический государственный строй изжившим себя, а коммунистические идеи, в силу чужеродности их для России, — неприемлемыми для страны.

Либеральные и эсеро-меньшевистские организации в эмиграции проявляли бездействие, надеялись на «внутренние силы» в России. Среди основной массы эмиграции они были непопулярны, малочисленны.

Поэтому идеология и политика фашизма, с их внешней привлекательностью, отвечали интересам радикально настроенной эмигрантской молодежи. Потерпев неудачу в попытке уничтожить советскую власть в 1920-е гг. «традиционными методами» и формами борьбы, они сделали ставку на открытую фашистскую диктатуру, которая может привести к победе. Заразительным был пример Бенито Муссолини в Италии, как и быстрое продвижение к неограниченной власти Гитлера в Германии и т. д. [Кочубей, Печерица 1998: 168].

Не случайно поэтому в Маньчжурии велась активная идеологическая и организаторская работа руководства РФП по привлечению в нее новых молодых членов. Эмигрантов, особенно пытливых, интересующихся молодежь, привлекали различные регулярно проводимые фашистами мероприятия. Была выбрана весьма удачная и популярная форма работы — Русские клубы, где систематически проводились политические обзо-

ры, сообщавшие о перспективах фашистского движения, диспуты о еврейской проблеме, о масонстве, о роли молодежи в современном мире [Кочубей, Печерица 1998: 169].

Недовольство старшим поколением, обиды за проигранную Гражданскую войну и утерянную Родину привели младшее поколение эмиграции к поиску новых путей борьбы, к разработке новых идеологических теорий и созданию новых политических организаций, способных вести такую борьбу [Окозов 1992; Онегина 1992: 10—12].

Интересную точку зрения на зарождение такого «феномена», как русский фашизм в Маньчжурии, дает американский историк и критик, знаток русского зарубежья Эдуард Штейн. «Создание этого „феномена“ трагически обосновано: отчужденность эмигрантских колоний от окружающего мира, невозможность вернуть невозвратимое — родную Землю, полнейшая зависимость от его величества случая, господство прошлого над настоящим, будущим, создавали в психике вакуум...» [Книжное обозрение 1993: 73].

С началом оккупации Маньчжурии японцами начинается сотрудничество руководства РФП с японскими органами [Онегина 1995: 49].

Сам начальник японской военной миссии в Харбине генерал Ринзо Андо был покровителем русских фашистов. Его крайняя антибольшевистская позиция была известна уже давно. Еще во время Гражданской войны на Дальнем Востоке он состоял советником при штабе атамана Г. М. Семенова. Активно покровительствовал местным русским фашистам и тогдашний военный министр Японии генерал Араки [Кочубей, Печерица 1998: 169].

При покровительстве и поощрении японских властей фашисты Харбина постепенно распространяли свою пропагандистскую и практическую деятельность по всей Маньчжурии, пытались создать ячейки в других городах Китая и в других странах. Их успехи позволили претендовать уже на некий «международный статус».

Расширялась издательская деятельность РФП. Сначала выходили листовки, затем появился ежемесячный журнал «Нация», выходивший в Шанхае, а вслед за ним — ежедневная «Наша газета», вскоре переименованная в «Наш путь». С сентября 1933 г. ее редактировал сам руководитель партии К. В. Родзаевский. Это был открытый фашистский партийный орган, придерживавшийся крайне антисемитских позиций. Кроме того, редакция выпускала несколько отдельных приложений: «Авангард», «Наша смена» — они были ориентированы на мо-

лодежь; «Русский железнодорожник» предназначался служащим КВЖД [Кочубей, Печерица 1998: 169].

Фашистская печать с ее серьезными статьями, анализом внутреннего и международного положения СССР привлекала читателей. У партии был свой гимн «Вставайте с нами, братья...» на музыку «Преображенского марша», а также использовался российский национальный гимн «Боже, царя храни». В православном соборе Харбина было освящено знамя партии, введена строгая черная форма одежды. На левой руке была повязка с черной свастикой на ярко-оранжевом круге, над свастикой было изображение двуглавого орла, который должен был символизировать неотрывность русского фашистского движения от истории России. Резким выбросом вверх руки и громким возгласом «Слава России», на манер гитлеровцев, русские фашисты приветствовали друг друга [Кочубей, Печерица 1998: 169].

В эмигрантской среде в целом было негативное отношение к русским фашистам. Вместе с тем даже в демократическом ее крыле были те, кто если не оправдывал их, то не критиковал. Так, под сильным впечатлением от фашистской идеологии оказался Н. В. Устрялов. В изданной в 1928 г. в Харбине книге «Итальянский фашизм» он анализировал его истоки, сущность и возможные пути эволюции, сравнивал его с русским большевизмом. Обе эти идеологии он считал порожденными кризисом государственных форм XIX в. В 1933 г. в книге «Германский национал-социализм» он ставил нацизм в один ряд с фашизмом и большевизмом [Русская эмиграция и фашизм 2001: 82].

Фашистские идеи в эмиграции разделяла и часть крайне правых монархистов, выступающих, как и прежде, за «единую и неделимую Россию». Уже с начала 1920-х гг. у крайне правых русских, зараженных великодержавным шовинизмом, установились тесные связи с германскими фашистами, а в начале 1930-х гг. — с японскими нацистами. Члены Российского общевойскового союза в Шанхае и Харбине изучали теорию и практику национал-социализма. На собраниях и митингах, в печати они нападают на евреев, коммунистов. «Достаётся» от них и умеренной демократической эмиграции — кадетам, октябристам.

В докладе, сделанном весной 1932 г. в Харбине одним из идеологов Дальневосточного русского монархического союза В. Ф. Ивановым, «В поисках государственного идеала» подчеркивалась близость русских монархистов с национал-социалистами:

«В борьбе с врагами России и всего человечества, мы, русские, желаем Гитлеру и его партии полного и блестящего успеха...» [Иванов 1932: 34].

Социал-демократические организации (члены партии меньшевиков в Харбине), либерально-демократические группы в своей печати выступают против выпадов крайне правых монархистов. Критикует их и умеренный монархист В. В. Шульгин. Побывав зимой 1925—1926 гг. в Ленинграде, Москве, Киеве, он признавал: «Россия встает... Я ожидал увидеть умирающий русский народ, а вижу несомненное его воскрешение...» [Шульгин 1994: 423].

Как мы уже отмечали выше, национальный вопрос, национальные проблемы остро и болезненно обсуждались среди украинских националистов. Практически все украинские комитеты и организации за рубежом, в том числе и в Китае, противником номер один считали советскую власть, идентифицируемую ими с русской, «московской» властью, и выдавали себя за поборников подлинных интересов украинского народа.

Однако трезвомыслящая элита украинской колонии понимала, что украинско-русская конфронтация мешает нормальному общению выходцев из России. На состоявшихся и в Европе (Прага, 1925 г.), и в Харбине (1928 г.) встречах представителями украинской и русской диаспор предпринимались попытки примирения. Цель состоявшихся дискуссий заключалась в поиске условий и обоснований русско-украинского сближения [Дороченков 2001: 23].

Несмотря на то, что первые беседы и дискуссии прошли в корректных тонах, скоро стала очевидной их бесплодность для обеих сторон. Позиция украинцев воспринималась русскими как определенно сепаратистская, русские же в глазах украинцев отличались «московским центризмом» [Зеньковский 1995: 12].

Большинство украинских колонистов не считали нужным связывать будущее украинской эмиграции с судьбами русской диаспоры. Поиск врагов Украины, конечно, не замыкался на русских. В их число включались евреи и другие национальные меньшинства.

Конечно, эмигрантские представления о прошлом и политическом будущем Украины не были абсолютно однозначными. Их диапазон отражал не только многообразие прошлого политического опыта носителей сепаратистской идеологии, но и многовариантные представления о конечных результатах борьбы за «самостоятельность»: от идеи украинской монархии в форме гетманства до

идеи демократической украинской народной республики [Дороченков 2001: 25].

Популярными среди украинских сепаратистов были идеи профессора М. Грушевского. Его книги и брошюры большими тиражами переиздавались в Харбине и Шанхае и имели большой резонанс в украинской диаспоре. Все они были посвящены проблеме обеспечения украинского суверенитета и объединены общим названием «Хто такі українці і чого вони хочуть».

Определяя задачи борьбы за независимость Украины, профессор Грушевский считал, что необходимые стадии культурного самоопределения его народом уже пройдены. Очередной же задачей он выдвигал становление украинской государственности в виде широкой автономии в рамках ее этнографических границ, но в составе российской демократической республики. Он призвал прекратить борьбу с Советской Россией, отказаться от тактики вооруженных восстаний [Грушевский 1991: 99—100].

Естественно, идеи и призывы профессора М. Грушевского были подвергнуты нападкам со стороны правых украинских националистов. Критикуя позицию М. Грушевского, крайне ярый националист Д. Донцев в книге «Национализм» утверждал, что нация, желающая господствовать (а именно таковой он считал украинскую нацию), должна иметь и соответствующую психику народа-господина. И далее: «Желающая жить национальная идея должна откровенно заявить о своём конечном идеале обладания властью как против внешних, так и против внутренних сил, сковывающих её энергию» [Дороченков 2001: 121].

Ему оппонирует украинский историк и публицист Стефан Томашевский. «Украинцам необходимо» лелеять не государственный идеал, а только национальный. Эти два понятия не схожи, пока мы не станем настоящей (хотя и безгосударственной) нацией, до тех пор излишне и даже вредно гоняться за государственным идеалом [Дороченков 2001: 121].

Анализируя полемику украинских сепаратистов, следует отметить, что за все годы эмиграции идеологи и лидеры украинской эмиграции так и не сумели выработать какой-либо стройной, теоретически осмысленной национальной идеи. Они не сумели подняться выше личных амбиций и распрей, которые на протяжении десятков лет раскалывали украинскую колонию. И лишь в нескольких «пунктах» сходились все. И прежде всего в идее сепаратизма, ставящего конечной целью завоевание и обеспечение суверенности Украины, ее экономической и куль-

турной самостоятельности в отрыве от Москвы, создание независимого украинского государства.

Итак, обобщая вышеизложенное, подчеркнем, что национальный вопрос, национальные идеи и национальная политика в общественно-политической жизни многоликой российской эмиграции Китая занимали особое место. Национальные процессы, развивавшиеся в СССР в 1920—1940-е гг., будоражили эмигрантское общественное мнение.

Различные эмигрантские издания время от времени давали собственную оценку национального строительства в Советском Союзе, принятых в 1924 и 1936 гг. конституций СССР. Так, умеренная демократическая эмиграция считала необходимым и впредь, т. е. после освобождения от большевизма, сохранить зафиксированные в советском основном законе положения о правовом равноправии наций. В то же время она не скрывала опасений, связанных с украинскими, польскими и другими сепаратистскими проявлениями, чреватых при определенном стечении обстоятельств развалом России. Представители той части российской диаспоры, которая обладала русским самосознанием, выступили против сепаратизма, разлагавшего общность трех ветвей единого, по их мнению, восточнославянского народа, они резко критиковали политику сибирского областничества, пытавшегося отторгнуть Сибирь от России. На страницах демократических эмигрантских изданий они критиковали украинских, польских, грузинских и других националистов, пытавшихся расколоть Россию, растащить ее по национальным квартирам.

Особенно рьяно ратовали за «самостийную Украину» крайне правые украинские националисты. Антирусская и антироссийская тенденции достаточно четко просматриваются в издаваемых ими журналах и газетах. Авторы многочисленных статей вели постоянный поиск врагов Украины, и этот поиск не замыкался на русских. В их число включались евреи и другие национальные меньшинства, по отношению к которым рекомендовались «твердые корректирующие меры».

Иной была позиция по национальному вопросу правого крыла российской эмиграции, фашистов и монархистов. Так, пропаганда идеи единой российской нации была объявлена программной задачей русского фашистского движения, а также ряда крайне правых монархических организаций и младороссов. Это нашло отражение в трудах и речах их лидеров и идеологов. «Поразительно, — отмечал Г. П. Федотов, — среди

стольких шумных, крикливых голосов один великоросс не подает признаков жизни. Он одному жалует на все: на голод, бесправие, тьму, только одного не ведает, к одному глух — к опасности, угрожающей его национальному бытию» [Федотов 1991: 174]. Причину этого странного «омертвления» русских Г. П. Федотов видел в усталости народа, для нескольких поколений которого «вопросы общественной справедливости заглушали смысл национальной жизни» [Федотов 1991: 174]. В дальнейшем же, как отмечали и умеренные эмигранты, национальное содержание русского демократического движения оказалось выхолощенным советской демократией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н. А. Философия неравенства : собр. соч. / Н. А. Бердяев. — Берлин : Обелиск, 1923. — 246 с. — Текст : непосредственный.
2. Дороченков, А. И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России / А. И. Дороченков. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. — 214 с. — Текст : непосредственный.
3. Ершов, В. Ф. Белоэмигрантские концепции восстановления российской государственности / В. Ф. Ершов. — Текст : непосредственный // Кентавр. — 1995. — № 4. — С. 56—70.
4. Зеньковский, В. В. Пять месяцев у власти : воспоминания / В. В. Зеньковский. — Москва : Крутиц. патриаршее подворье, 1995. — 239 с.
5. Иванов, В. Ф. В поисках государственного идеала / В. Ф. Иванов. — Харбин, 1932. — Текст : непосредственный.
6. Карсавин, Л. П. Европа в России : (Наброски евразийской идеологии) / Л. П. Карсавин. — Текст : непосредственный // Логос. Санкт-Петербургские чтения по философии культуры. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1992. — Кн. 2 : Российский духовный опыт. — С. 153.
7. Книжное обозрение. — 1993. — № 38. — С. 3.

Wu Yanqiu

Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Shaoxing, Zhejiang, PRC
ORCID ID: 0000-0001-7457-1867

N. A. Abueva

Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Shaoxing, Zhejiang, PRC
ORCID ID: 0000-0002-7550-9261

 E-mail: 254319172@qq.com; abu2007@bk.ru.

The Issues of Preservation and Development of the National Culture of the Russian Diaspora in the PRC

ABSTRACT. *The article proves that the national issue, the national ideas and the national policy in the socio-political life of the multifaceted Russian emigration of China occupies a special place. The national processes considered by the authors, which took place in the USSR in the 1920s and 1940s, stirred up emigrant public opinion. Various emigrant publications from time to time gave their own assessment of the nation-building in the Soviet Union and of the constitutions of the USSR adopted in 1924 and 1936. Thus, the moderate democratic emigration considered it necessary in the future, i.e. after the liberation from Bolshevism, to preserve the provisions about the legal equality of nations fixed in the Soviet basic law. At the same time, it did not hide fears related to the Ukrainian, Polish and other separatist manifestations, which, under certain circumstances, could provoke the collapse of Russia. The representatives of the part of the Russian diaspora, that had a Russian identity, opposed separatism, which was destroying the unity of the three branches of the single, in their opinion, East Slavic people; they sharply criticized the policy of the Siberian oblastnichestvo (separatism), which was trying to separate Siberia from Russia. On the pages of democratic emigrant publications, they criticized Ukrainian, Polish, Georgian and other nationalists who tried to split Russia, to reduce it to national states.*

The novelty of the article is obvious, since the authors clearly define that the formation of the Soviet culture was understood by some emigrant scholars as a process of obscuring its Russian national component. Observed in parallel with the development of national cultures of non-Russian peoples, it could, in their opinion, warm up separatist tendencies in the USSR.

8. Кочубей, О. И. Евразийство: иллюзии, упования, надежды / О. И. Кочубей, В. Ф. Печерица. — Текст : непосредственный // Исход и возвращение... : (русская эмиграция в Китае в 1920—1940 гг.). — Владивосток : Изд-во Дальневосточн. ун-та, 1998. — С. 167.

9. Кочубей, О. И. Исход и возвращение... : (русская эмиграция в Китае в 20—40-е гг.) / О. И. Кочубей, В. Ф. Печерица. — Владивосток : Изд-во Дальневосточн. ун-та, 1998. — 225 с. — Текст : непосредственный.

10. О कोरोков, А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920—1945 гг.) / А. В. О कोरोков. — Москва : Русаки, 2001. — 593 с. — Текст : непосредственный.

11. Онегина, С. В. Крах расчётов и иллюзий / С. В. Онегина. — Текст : непосредственный // Кентавр. — 1995. — № 5. — С. 49.

12. Онегина, С. В. Русские фашисты / С. В. Онегина. — Текст : непосредственный // Родина. — 1992. — № 11—12. — С. 10—12.

13. Русская эмиграция и фашизм / Санкт-Петербургский гос. архитектурно-строительный ун-т. — Санкт-Петербург : [б. м.], 2001. — 260 с.

14. Тараданов, В. Г. Азбука фашизма / В. Г. Тараданов, В. В. Кабардин. — Текст : непосредственный // Звезда и свастика: большевизм и русский фашизм. — Москва : Терра, 1994. — С. 229—230.

15. Трубецкой, Н. С. Мы и другие / Н. С. Трубецкой. — Текст : непосредственный // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн : антология. — Москва : Наука, 1993. — С. 77—89.

16. Трубецкой, Н. С. О туранском элементе в русской культуре / Н. С. Трубецкой. — Текст : непосредственный // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн : антология. — Москва : Наука, 1993. — С. 59—76.

17. Федотов, Г. П. Будет ли существовать Россия? / Г. П. Федотов. — Текст : непосредственный // Политическая история русской эмиграции 1920—1940 гг. : документы и материалы. — Москва : ВЛАДОС, 1999. — С. 496.

18. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России : избр. ст. по философии русской истории и культуры / Г. П. Федотов. — Санкт-Петербург : София, 1991. — Т. 1. — 350 с.

19. Шульгин, В. В. Что нам в них не нравится... : об антисемитизме в России / В. В. Шульгин. — Москва : [б. и.], 1994. — Текст : непосредственный.

KEYWORDS: *national culture; Russian diaspora; Russia; China; Russian emigration; traditions; immigration.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Wu Yanqiu, Candidate of History, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of European Languages, Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Shaoxing, Zhejiang, PRC.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Abueva Nurbanu Adil'bekovna, Doctor of Political Science, Visiting Professor of the Institute of European Languages, Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages, Shaoxing, Zhejiang, PRC.*

FOR CITATION: *Wu, Yanqiu. The Issues of Preservation and Development of the National Culture of the Russian Diaspora in the PRC / Wu Yanqiu, N. A. Abueva // Political Linguistics. — 2021. — No 3 (87). — P. 209-216. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_21.*

REFERENCES

1. Berdyaev, N. A. *Philosophy of Inequality: collected works / N. A. Berdyaev.* — Berlin: Obelisk, 1923. — 246 p. — Text: unmediated. [Filosofiya neravenstva: sobr. soch. / N. A. Berdyaev. — Berlin: Obelisk, 1923. — 246 s. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Dorochenkov, A. I. *Emigration of the "First Wave" about National Problems and the Fate of Russia / A. I. Dorochenkov.* — St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2001. — 214 p. — Text: unmediated. [Emigratsiya «pervoy volny» o natsional'nykh problemakh i sud'be Rossii / A. I. Dorochenkov. — Sankt-Peterburg: Dmitry Bulanin, 2001. — 214 s. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Ershov, V. F. *Belo-emigrant Concepts of Restoration of Russian Statehood / V. F. Ershov.* — Text: unmediated // *Centaur.* — 1995. — No. 4. — P. 56–70. [Beloemigrantskie konceptsii vosstanovleniya rossiyskoy gosudarstvennosti / V. F. Ershov. — Tekst: neposredstvennyy // *Kentavr.* — 1995. — № 4. — S. 56–70]. — (In Rus.)
4. Zenkovskiy, V. V. *Five Months in Power: Memoirs / V. V. Zenkovskiy.* — Moscow: Krutitsy Patriarchal Metochion, 1995. — 239 p. [Pyat' mesyatsy u vlasti: vospominaniya / V. V. Zenkovskiy. — Moskva: Krutitsy. patriarshee podvor'e, 1995. — 239 s.]. — (In Rus.)
5. Ivanov, V. F. *In Search of the State Ideal / V. F. Ivanov.* — Harbin, 1932. — Text: unmediated. [V poiskakh gosudarstvennogo ideala / V. F. Ivanov. — Kharbin, 1932. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Karsavin, L. P. *Europe in Russia: (Sketches of the Eurasian ideology) / L. P. Karsavin.* — Text: unmediated // *Logos. St. Petersburg Readings on the Philosophy of Culture.* — St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 1992. — Book 2: *Russian Spiritual Experience.* — P. 153. [Evropa v Rossii: (Nabroski evraziyskoy ideologii) / L. P. Karsavin. — Tekst: neposredstvennyy // *Logos. Sankt-Peterburgskie chteniya po filosofii kul'tury.* — Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 1992. — Kn. 2: *Rossiyskiy dukhovnyy opyt.* — S. 153]. — (In Rus.)
7. Book review. — 1993. — No. 38. — P. 3. [Knizhnoe obozrenie. — 1993. — № 38. — S. 3]. — (In Rus.)
8. Kochubey, O. I. *Eurasianism: Illusions, Expectations, Hopes / O. I. Kochubei, V. F. Pecheritsa.* — Text: unmediated // *Exodus and Return...: (Russian emigration in China in 1920-1940).* — Vladivostok: Far East Publishing House University, 1998. — P. 167. [Evraziystvo: illyuzii, upovaniya, nadezhdy / O. I. Kochubey, V. F. Pecheritsa. — Tekst: neposredstvennyy // *Iskhod i vozvrashchenie...: (russkaya emigratsiya v Kitae v 1920—1940 gg.).* — Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochn. un-ta, 1998. — S. 167]. — (In Rus.)
9. Kochubey, O. I. *Exodus and Return...: (Russian Emigration in China in the 20-40s) / O. I. Kochubei, V. F. Pecheritsa.* — Vladivostok: Far East Publishing House University, 1998. — 225 p. — Text: unmediated. [Iskhod i vozvrashchenie...: (russkaya emigratsiya v Kitae v 20—40-e gg.) / O. I. Kochubey, V. F. Pecheritsa. — Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochn. un-ta, 1998. — 225 s. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Okorokov, A. V. *Fascism and Russian Emigration (1920-1945) / A. V. Okorokov.* — Moscow: Rusaki, 2001. — 593 p. — Text: unmediated. [Fashizm i russkaya emigratsiya (1920—1945 gg.) / A. V. Okorokov. — Moskva: Rusaki, 2001. — 593 s. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Onegina, S. V. *Collapse of Calculations and Illusions / S. V. Onegina.* — Text: unmediated // *Centaur.* — 1995. — No. 5. — P. 49. [Krakh raschetov i illyuziy / S. V. Onegina. — Tekst: neposredstvennyy // *Kentavr.* — 1995. — № 5. — S. 49]. — (In Rus.)
12. Onegina, S. V. *Russian Fascists / S. V. Onegina.* — Text: unmediated // *Homeland.* — 1992. — No. 11—12. — P. 10—12. [Russkie fashisty / S. V. Onegina. — Tekst: neposredstvennyy // *Rodina.* — 1992. — № 11—12. — S. 10—12]. — (In Rus.)
13. *Russian Emigration and Fascism / St. Petersburg State Architectural and Construction Univ.* — St. Petersburg: [s. l.], 2001. — 260 p. [Russkaya emigratsiya i fashizm / Sankt-Peterburgskiy gos. arkhitekturno-stroitel'nyy un-t. — Sankt-Peterburg: [b. m.], 2001. — 260 s.]. — (In Rus.)
14. Taradanov, V. G. *The ABC of Fascism / V. G. Taradanov, V. V. Kabardin.* — Text: unmediated // *Star and Swastika: Bolshevism and Russian Fascism.* — Moscow: Terra, 1994. — P. 229—230. [Azbuka fashizma / V. G. Taradanov, V. V. Kabardin. — Tekst: neposredstvennyy // *Zvezda i svastika: bol'shevizm i russkiy fashizm.* — Moskva: Terra, 1994. — S. 229—230]. — (In Rus.)
15. Trubetskoy, N. S. *We and Others / N. S. Trubetskoy.* — Text: unmediated // *Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation: an anthology.* — Moscow: Science, 1993. — P. 77—89. [My i drugie / N. S. Trubetskoy. — Tekst: neposredstvennyy // *Rossiya mezhdru Evropoy i Aziey: evraziyskiy soblazn: antologiya.* — Moskva: Nauka, 1993. — S. 77—89]. — (In Rus.)
16. Trubetskoy, N. S. *About the Turanian Element in Russian Culture / N. S. Trubetskoy.* — Text: unmediated // *Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation: an Anthology.* — Moscow: Science, 1993. — P. 59—76. [O turanskom elemente v russkoy kul'ture / N. S. Trubetskoy. — Tekst: neposredstvennyy // *Rossiya mezhdru Evropoy i Aziey: evraziyskiy soblazn: antologiya.* — Moskva: Nauka, 1993. — S. 59—76]. — (In Rus.)
17. Fedotov, G. P. *Will Russia Exist? / G. P. Fedotov.* — Text: unmediated // *Political History of the Russian Emigration of 1920-1940: documents and materials.* — Moscow: VLADOS, 1999. — P. 496. [Budet li sushchestvovat' Rossiya? / G. P. Fedotov. — Tekst: neposredstvennyy // *Politicheskaya istoriya russkoy emigratsii 1920—1940 gg.: dokumenty i materialy.* — Moskva: VLADOS, 1999. — S. 496.]. — (In Rus.)
18. Fedotov, G. P. *The Fate and Sins of Russia: selected articles on the philosophy of Russian history and culture / G. P. Fedotov.* — St. Petersburg: Sofia, 1991. — Vol. 1. — 350 p. [Sud'ba i grekhi Rossii: izbr. st. po filosofii russkoy istorii i kul'tury / G. P. Fedotov. — Sankt-Peterburg: Sofiya, 1991. — T. 1. — 350 s.]. — (In Rus.)
19. Shul'gin, V. V. *What we don't Like about Them ...: about Anti-Semitism in Russia / V. V. Shulgin.* — Moscow: [s. l.], 1994. — Text: unmediated. [Chto nam v nikh ne nravitsya...: ob antisemitizme v Rossii / V. V. Shul'gin. — Moskva: [b. i.], 1994. — Tekst: neposredstvennyy]. — (In Rus.)